

С. Б. Сорочан, А. Н. Домановский

Харьковская экспедиция в Херсонесе, или Тридцать лет спустя

1981 г. кафедра истории древнего мира и средних веков Харьковского государственного университета возобновила, после пятилетнего перерыва, археологические исследования в портовом районе Херсонеса, в обширном квартале I, ведущие здесь, в общей сложности, с 1963 г. под руководством кандидата исторических наук, доцента, а с 1980 г. — доктора исторических наук В. И. Кадеева. По сути дела, это было возрождение экспедиции, поскольку предшествующая работа В. И. Кадеева над докторской диссертацией заставила его на время отойти от полевых археологических исследований. Недавно защитившие кандидатские диссертации преподаватели В. Ф. Мещеряков и С. Б. Сорочан стали заместителями начальника Херсонесской археологической экспедиции Харьковского университета. Начался отсчет нового этапа в исследованиях портового квартала I, о котором теперь, спустя 30 лет, его участники вспоминают как о начале важнейшего этапа в их собственной жизни и судьбе. Много, но не всё, вошло в отчеты, публикации, монографии, которые будут написаны спустя много лет, но воспоминаний, ощущения достигнутого они не вместили. Восполнить это в какой-то мере может помочь предлагаемый очерк, который с полным правом следует отнести к жанру истории науки, точнее, к мемуарам участников.

С 1981 до 1985 гг. работы были сосредоточены в основном на двух объектах — местах расположения средневековых усадеб IX и X, исследование которых уже было начато В. И. Кадеевым ранее. С. Б. Сорочан стал начальником раскопа на месте участка усадьбы IX, а В. Ф. Мещеряков — усадьбы X. Собственно, это были типичные жилые усадьбы херсонеситов, недалеко от берега Карантинной бухты и входили в комплексы таких же усадеб, раскапывавшихся в соседнем квартале 2 силами Уральской экспедиции во главе с А. И. Романчук, одной из самых известных исследователей Херсонеса. Экспедиции не просто сотрудничали, не просто делали общее дело, пытались восстановить планировку портового района города, — экспедиции дружили и такие дружеские связи пронесли через года.

Летние полевые сезоны 1981 и 1982 гг. оказались наиболее масштабными. В них приняли участие студенты А. П. Мартемьянов, А. В. Шмалько, С. В. Дьячков, в будущем сами ставшие начальниками раскопов. Экспедиция харьковчан насчитывала до 80 человек, причем не только студентов, включая практикантов, но и школьников, которые трудились особенно ударно. С самого начала пришлось столкнуться с очень сложной стратиграфией участка, поскольку под средневековыми стенами XII—XIII, IX—X, V—VII вв. крылась паутина остатков более ранних сооружений, включая римские и эллинистические, и все это напоминало стратиграфический «слоеный пирог», над которым ломали голову и археологи-раскопщики, и архитекторы-чертежники. Находок была масса, особенно керамики. Особенно запомнился обнаруженный А. В. Шмалько, которому вообще везло на находки, сохранившийся почти целиком поливной фигурный сосуд-водолей X—XI вв. в виде быка, который на время стал талисманом экспедиции. Обилие находок дало немало работы сотрудникам Херсонесского

заповедника Ольге Демьяновой и Людмиле Дивавиной (последняя ныне уже покойна), а также заведующей фондами Тамаре Костромичевой, которая входила в состав экспедиции от музея и занималась определением обнаруженных в ходе раскопок монет. Великолепные фотографии строительных остатков и наиболее ценного из обнаруженного делал фотограф экспедиции, высокий профессионал Вадим Васильевич Степаненко. Он будет бесценно выполнять эту важную работу вплоть до конца 90-х гг. XX в. и это ему отчеты экспедиции, фотографии, фотокопии рисунков, прорисовок, чертежей, будут обязаны высоким качеством. К сожалению, этого мастера своего дела, интересного человека, говоруна, уже нет в живых.

Большое число участников требовало предельно четкой организации работы, чему во многом помогал сотрудник кафедры Виктор Рябовол, имевший большой опыт работы в популярных по тем временам студенческих стройотрядах. Экспедиция разместилась в общежитии строительного техникума около Стрелецкой бухты Севастополя, а оттуда до Херсонеса было не менее трех километров, которые приходилось ежедневно преодолевать по нескольку раз, причем работа начиналась в шесть утра, а заканчивалась в два часа дня, после чего руководители раскопов еще занимались камеральной обработкой материалов, трудились на «точке», делали обмеры, заполняли полевые дневники, готовили полевые описи. Всему этому надо было учиться и учить, готовить наиболее перспективных студентов для такой кропотливой, сложной работы.

Помимо работы на месте усадеб, экспедиция продолжила исследование системы раннесредневековых крытых водостоков на Продольной улице. Тогда мало кто думал, что эта работа займет не одно десятилетие. Раскопки города вообще неблагоприятное дело с точки зрения археолога-полевика. Имеешь дело с массой керамического фрагментированного материала, кучей разрезов, фасировок стен, тогда как интерпретационный выход такой информации подчас оказывается ничтожным, стратиграфическая ситуация крайне путаной. Копать приходилось с большим трудом, ибо по мере углубления надо было делать сходни с металлическими катальными листами, насыпи для тачек, да и те не выручали. «Тачкисты» изнывали от большого объема извлеченной земли и камней, которые приходилось вывозить на неблизкий отвал, высившийся терриконом, но были помещения, где не выручало уже и это, и приходилось переходить на ведра, которые цепочкой передавали наверх. Вот тут особенно выручали быстроногие, юркие будто муравьи школьники, — «пионеры», как их шутливо называли. Командовавший ими А. П. Мартемьянов мог гордиться своими питомцами, многие из которых «заболели» Херсонесом навсегда.

Раскопки 1982–1984 гг. в портовом квартале 1 на месте поздневизантийской жилой усадьбы IX позволили обнаружить стены построек толщиной около метра из грубо обработанных камней, скрепленных большим количеством крепкого известкового раствора, остатки наслаивающихся друг на друга подвалов с пифосами IV–V и VIII–IX вв., которые, вместе с сопутствующим материалом, свидетельствовали о бурной строительной деятельности и перепланировках, осуществлявшихся в этом районе города в самый канун «темных веков», не ранее второй — третьей четверти VI — начала VII вв. Некоторые стены здесь были положены на подсыпку с фрагментами керамики и монетами IV–VI вв., на которой, в свою очередь, была устроена любопытная конструкция в виде настила из пяти деревянных плах длиной 0,75–1,3 м и 12 вертикально вбитых в прочный, вероятно, влажный грунт свай длиной 0,75–0,8 м круглого и квадратного сечения, дабы обезопасить фундамент от подпочвенных вод, близко подступающих на этом низменном участке.

Особенно порадовала находками материалов позднеантичного-ранневизантийского времени расчищенная с помощью любителей аквалангистов харьковского Украинского физико-технического института большая подземная грушевидная цистерна в центре выложенного каменными плитами двора, в которой, в частности, оказались редкое для Херсонеса костяное веретено с резным изображением Афродиты и кольцом на другом конце, а также мраморный рельеф с изображением стоящего в рост Асклепия. Вместе с обнаруженными поблизости рельефами с изображением фракийского всадника — предмета поклонения римских воинов херсонесской вексилляции — это позволило

Рис. 1. С. В. Дьячков, С. Б. Сорочан, А. В. Егоров, В. Ф. Мещеряков (слева направо) на раскопках в портовом квартале 1 в 1981 г.

говорить о наличии поблизости храма первых веков н. э., в котором отправляли культы этих божеств, принесенных в Херсонес солдатами римского гарнизона — фракийцами. Эта плодотворная гипотеза в дальнейшем будет не раз использоваться исследователями, в частности, В. М. Зубарем, сотрудником Института археологии АН Украины, экспедиция которого в те годы начала свою работу на западном херсонесском некрополе. Харьковчане активно помогали ей и, таким образом, приняли участие в интереснейших раскопках римских склепов, среди находок в которых были даже золотые украшения. С. Б. Сорочан занимался при этом обработкой разнообразных керамических свещильников из этих погребений, где они встречались особенно массово.

1982 г. дал ценную находку мраморного надгробия II в. с рельефом и эпитафией Газурия, сына Метродора, и Даиска, сына Метродора, очевидно, братьев, которые погибли одновременно во время военных действий или кораблекрушения, но еще больше порадовал 1983 г., когда удалось обнаружить остатки сразу двух кладовых с пифосами с рыбой, одна — VIII—IX вв, другая — IV—VI вв. Уникальной для Херсонеса оказалась засыпь одного из подвалов римской эпохи. Она состояла из нескольких тонн морского песка, причем явно не херсонесского и даже не из Крыма, вероятно, привезенного в виде корабельного балласта и вторично использованного. Поражала великолепная кладка стен этого помещения, в чистой засыпи которого везучий А. В. Шмалько наткнулся на прекрасно сохранившуюся бронзовую статуэтку II—III вв., изображавшую персонажа комедии Менандра, раба-актера с амфорой на плече, вероятно, продукт экспорта из римской Мёзии и Фракии.

В этом сезоне экспедиция переменяла свою бытовую диспозицию и надолго разместилась в помещениях барачного типа, так называемых «сараях», недалеко от античного театра Херсонеса. И хотя это были простые побеленные комнаты с крохотными окошками и цементными полами, на которых тесно стояли железные кровати, новому жилью на территории заповедника были откровенно рады все: отпала изнуряющая необходимость совершать многокилометровые пробежки, чтобы добраться до места

И С Т О Р И Я Н А У К И

Рис. 2. С. Сорочан, А. Шмалько (Валентинов), В. Дидковский, С. Новиков на раскопках в портовом квартале 1 в 1982 г.

а начальником раскопок стали защитивший к тому времени кандидатскую диссертацию А. В. Шмалько и подающий надежды студент-пятикурсник Г. Р. Цецхладзе. В дальнейшем он окончит аспирантуру в Институте археологии АН СССР в Москве, после чего судьба этого талантливого античника, ставшего издателем «Colloquia Pontica», окажется связанной с Лондоном, Оксфордом, Кембрижем и завершится в австралийском Мельбурне.

Работы сезона сдвинули традиционный объект раскопок к югу и захватили часть площади усадьбы X и расположенных ближе к оборонительной куртине 16 усадьбам III—IV, в начале XX в. отчасти раскопанных К. К. Косцюшко-Валюжиничем. К сожалению, близость грунтовых вод не позволила вскрыть имевшиеся здесь слои раннего римского времени, так что в определенной мере загадочной осталась небольшая каменная площадка на месте помещения 72. Выложенная из хорошо обработанных камней, она могла таить под собой нечто важное, но пробиться ниже так и не удалось — вода прибывала неудержимо. Среди материалов из заполнений складских, хозяйственных помещений особенно запомнились находка бронзового наконечника ножен меча конца X — начала XI вв., которая, судя по аналогиям из района Киева, вполне могла иметь отношение к знаменитому Корсунскому походу Киевского князя Владимира в 988 г., и еще более ценная вещь — шаровидное навершие из слоновой кости от епископского посоха с надписью, упоминавшей в монограмме имя епископа города Херсонеса конца IV — начала V вв. Это навершие до сих пор остается одним из самых ранних свидетельств, эпиграфически подтверждающих наличие Херсонесской епархии. Опубликованное С. Б. Сорочаном в 1992 г. в Вестнике Харьковского университета с помощью московской эпиграфистки Т. Матанцевой, ученицы Ю. Г. Виноградова, оно заслуживает более глубокого внимания и пристального изучения, поскольку остались неучтенные варианты расшифровки монограммы. Да и привязка самой находки к району, где размещался известный из других эпиграфических памятников ранневизантийский птохион Св. Фоки, наводит на размышления.

С 1989 г. помощником С. Б. Сорочана, начальником раскопа стал годом раньше защитивший кандидатскую диссертацию С. В. Дьячков, и с этого времени работы все больше сосредотачивались на исследовании водостоков, причем как эллинисти-

работы. Тогда же началось сотрудничество со столовой средней школы на Девичьей горке, где в 8.30 и 14.30 регулярно, за исключением воскресных дней, питались члены экспедиции. К слову, воскресные дни были отданы экскурсиям по музеям Севастополя, Бахчисарая, «пещерным городам» Крыма и подготовке к ежесезонному главному празднику — Дню археолога, когда проходили посвящение новички. Это событие экспедиция по устоявшейся традиции отмечала с размахом, с обязательным театрализованным представлением, переодеванием в «греков» и «богов», «гладиаторскими» и прочими играми, в которых от души веселились и руководители, и студенты. Тогда пели под гитару до утра не стихали на любимом месте сбора на эстакаде у «сараев», ставших для многих дорожкой дома.

1984 г. стал последним годом, когда экспедицией руководил профессор В. И. Кадеев. Два года велась обработка накопленного материала, а с 1987 г. начальником экспедиции стал доцент С. Б. Сорочан. В. Ф. Мещеряков возглавил археологическую практику,

ческого, так и ранневизантийского времени, как это прослеживалось на XV продольной улице. Тогда же на месте помещения 60 средневековой усадьбы IX под руководством А. В. Шмалько были обнаружены остатки крупной стены эллинистического периода, которая оказалась внешней южной стеной обширного комплекса помещений, известного под условным названием «казарма». В нем предполагали общественное здание IV—II вв. до н.э., если не казарму для привратного гарнизона, то некую биржу или место для общественных угощений — сиситий, но будущее покажет, что у памятника была более причудливая и долгая судьба, чем представлялось теоретизирующим исследователям. Во всяком случае, выбор дальнейшего объекта раскопок в портовом районе для Харьковской экспедиции оказался не случаен.

1990 г. оказался последним, когда экспедицией в квартале 1 руководил С. Б. Сорочан. После заграничной поездки на стажировку в Институт Хардта в Женеве он вернулся больным и должен был лечь на операцию. Именно этот сезон отразил в своей увлекательном романе «Созвездие пса» А. В. Шмалько, известный по писательскому псевдониму как Андрей Валентинов. Он вышел в 2002 г. в московском издательстве ЭКСМО и несколько раз переиздавался. Не много найдется экспедиций, люди и будни которых оказались запечатлены на столь высоком художественном уровне.

В 1991 г. начальником экспедиции, продолжившей работу в квартале 1, стал С. В. Дьячков, а С. Б. Сорочан сосредоточил силы над работой по теме докторской диссертации.

Рис. 3. С. Б. Сорочан с женой, Е. В. Сорочан, на раскопках в портовом квартале около куртины 16. 1988 г.

Рис. 4. Участники экспедиции Харьковского университета в «цитадели» Херсонеса. 1997 г.

Рис. 5. Посвящение в археологи в экспедиции Харьковского университета в 1998 г.

Рис. 6. Участники экспедиции Харьковского университета в «цитадели» Херсонеса в 2002 г.

С 1996 г. С. Б. Сорочан вновь вернулся к полевой работе в Херсонесе. На этот раз он возглавил археологический отряд, работавший в составе экспедиции Национального заповедника «Херсонес Таврический» под руководством ведущего научного сотрудника И. А. Антоновой. Отряд, куда входили сотрудники и студенты Харьковского университета, вел работы на территории цитадели Херсонеса, которая охватывает 0,5 га, включает памятники всех эпох существования города и может являться своеобразной лабораторией по его изучению. Работы отряда были сосредоточены главным образом на раскопках так называемой Южной площади, находившейся почти в центре «цитадели». Здесь были обнаружены следы продольной римской улицы с прекрасно сохранившимися водостоками и водопроводом из керамических труб. Один из водостоков был выложен редкой римской черепицей, известной как *tegula laconica*. Рядом находились остатки производственных помещений II—III вв., материал из которых сохранил следы металлургического производства, шлака, а также гидроизоляционной обмазки из цемьянки, которая покрывала полы. Находки свидетельствовали о пребывании в данном месте солдат римской вексилляции. Основными помощниками С. Б. Сорочана в возрожденной им экспедиции стали его коллега, доцент А. В. Шмалько и преподаватель Школы искусств Харьковского городского совета М. В. Фомин, который со временем станет соискателем кафедры истории древнего мира и средних веков и подготовит диссертацию по истории византийского Херсонеса-Херсона. Состав отряда был небольшим, но каждый «боец археологического фронта» работал в нем за пятерых, поражая результативностью сотрудников Херсонесского заповедника. Этот отряд в шутку называли «офицерским», поскольку в его небольшом составе работали сразу трое кандидатов наук, доцентов, один из которых (А. В. Кравченко) защитит в 1997 г. докторскую диссертацию. Вообще, «культурный слой» экспедиции всегда отличала некая особая, только ей присущая интеллектуальная высота, которую через много лет продолжали с теплом вспоминать ее участники. Жилье в казенном музейном помещении с прохудившейся крышей, грозившей обрушиться на голову, готовка «бутербродной еды» на единственной электроплитке, хронические перебои с водой, которую по каплям приходилось собирать в пластиковые бутылки из слезящегося крана, не способны были затемнить эту замечательную ауру из интересного общения, споров обо всем с обязательным вечерним пением «Орел шестого легиона» и других «археологических» песен под неизменное крымское красное вино.

С 2001 г., после смерти И. А. Антоновой, экспедиция Харьковского университета под руководством С. Б. Сорочана уже самостоятельно продолжила работы в «цитадели». Она разместила в домах на археологической базе заповедника, где прочно наладилась свой быт. Немалую роль в укреплении обеспечения экспедиции сыграла безвозмездная передача ей имущества Уральской экспедиции, которая к тому времени окончательно свернула свою работу в портовом районе. Развал Советского Союза отозвался и здесь: теперь екатеринбуржцы в лучшем случае могли обеспечить себе археологическую практику в рамках экспедиции С. Б. Сорочана, а через пять лет стало трудно делать и это.

В составе экспедиции работали научные сотрудники Национального заповедника «Херсонес Таврический» С. Н. Сухина, бывшая помощница И. А. Антоновой, младший научный сотрудник Музея археологии и этнографии Слободской Украины ХНУ имени В. Н. Каразина Т. Н. Крупа, являвшаяся начальником раскопа и соавтором отчетов, ведущий научный сотрудник Института археологии НАН Украины, доктор исторических наук В. М. Зубарь, коллега, соавтор и друг С. Б. Сорочана, безвременно умерший в 2009 г. Камеральную обработку материалов на высочайшем уровне вел доктор исторических наук, профессор кафедры археологии МГУ имени М. В. Ломоносова А. В. Сазанов, а обмеры и чертежи — научный сотрудник Херсонесского заповедника А. В. Иванов, известный также своими палеоантропологическими штудиями. Работы проводились силами харьковского отряда и многочисленных учащих Межшкольного историко-археологического объединения «Клио» г. Москвы (руководитель А. Д. Нестеров), Специализированной художественной школы № 1188 г. Москвы, школьников Дворца творчества юных Санкт-Петербурга (руководитель

Н. В. Алексеева), отряда школьников лицея «Профессионал» (г. Харьков), отряда юных археологов Клуба исторических путешествий Школы искусств Харьковского городского совета (руководители А. В. Фомин, М. В. Фомин). Кроме того, на базе экспедиции С. Б. Сорочана проходили археологические практики исторического факультета Уральского государственного университета (руководители доценты Л. Г. Омелькова, А. В. Лямин), Ярославского государственного педагогического университета (руководитель кандидат исторических наук П. А. Аграфонов), Тюменского государственного университета (руководитель профессор А. Г. Еманов), Педагогического колледжа № 7 Санкт-Петербурга (руководитель Н. А. Алексеева), Московского колледжа архитектуры и строительства (руководитель Т. А. Межова), Харьковского государственного технического университета строительства и архитектуры. С Институтом археологии НАНУ и Херсонесским заповедником был заключен договор о сотрудничестве, который оказал существенную помощь Харьковской экспедиции «Цитадель». Она занялась исследованием раннесредневековых терм VI—IX вв. на Южной площади и начала раскопки остатков монументального здания, расположенного к востоку от них. Кроме того, были проведены работы по расчистке территории около боевой калитки в 19 куртине, вблизи башни Зинова, самой мощной фланговой башни города, а Т. Н. Крупа начала реставрационную программу раскопанных памятников, утвержденную ученым советом заповедника.

В результате раскопок 2001–2003 гг. экспедицией был открыт угол здания с небольшим двориком с каменной вымосткой и водостоком, проходящим сквозь стену. Вероятно, это была усадьба зажиточного хозяина, существовавшая в XIII в. Она отапливалась большой печью с квадратной топочной камерой шириной 2,3 м по внешнему обмеру и устьем длиной 1,98 м и высотой 0,65. В кладке здания, сложенной из рваного камня на глине, были вторично использованы несколько крупных известняковых блоков из некой более ранней монументальной постройки. На некоторых из них сохранились следы прочной известковой штукатурки. Обнаруженные материалы позволили утверждать, что жизнь на территории цитадели в позднесредневековый период не оборвалась. Более того, стратиграфия раскопанного памятника свидетельствует о том, что он перестраивался дважды в XIII в., на что указывают два слоя горения.

К югу от бани VI—IX вв. в 2001–2002 гг. экспедицией исследовался глубокий поздний перекоп, доходящий до скального основания. Исследования 2002–2003 гг. показали, что на месте перекопа, к югу от терм VI—IX вв. и к западу от большой постройки, обнаруженной под остатками средневековой усадьбы XIII в., располагалось помещение, в котором уцелели следы полукруглого торца почти полностью разрушенной ванны, сложенной из четырех рядов вертикально поставленных плинф на цемянковом растворе. Параллельно ей, к югу находилась еще одна прямоугольная ванна глубиной 0,5 м, облицованная гидроизоляционным цемянковым раствором. Ее перекрывал слой с материалом середины IX в. Первоначально было высказано предположение, что обнаруженные остатки являются продолжением уже открытой бани VI—IX вв. Однако раскопки 2007 г. установили, что к югу от этой бани находились еще одни термы. Снесение пола под устьем печи усадьбы XIII в. показало, что ориентация стен этих новых терм отличается от ориентации бани, открытой ранее. Она поставлена с отклонением к северо-западу примерно на 15–20 градусов. Кроме того, ее стены сложены в иной кладке, с использованием тесаных камней, хотя тоже на известково-цемянковом растворе. К прямоугольной ванне примыкала каменная вымостка, под которой были зафиксированы контексты материала, укладываемые в пределы 20–70-х гг. VII в. Следовательно, новая баня была сооружена рядом со старой, но несколько позже. Несомненно, она функционировала на протяжении «темных веков», пока не была разрушена и сnivelирована к середине IX в. Объяснение причин этой нивелировки видится в строительстве еще одного общественного здания, западное крыло которого захватило термы VII в.

Исследования этого монументального сооружения, проведенные в 2004–2006 гг., позволили С. Б. Сорочану считать, что у комплекса большого фемного претория

X—XI вв., обнаруженного на территории «цитадели» И. А. Антоновой, был предшественник. Рядом с комплексом претория, на расстоянии 13,2 м к югу, через Южную площадь, находилось еще одно крупное обособленное здание, сnivelированное к моменту строительства претория X—XI вв. Были раскопаны три крупных помещения почти правильной квадратной формы, следующие анфиладно по линии запад-восток. Общие размеры открытого здания — 18,0 × 6,60 м, общая площадь — 118,8 кв. м. Первое (западное) помещение имело площадь примерно 31 кв. м, второе, центральное, — 22 кв. м, третье, восточное, — 23 кв. м. В целом, постройка выглядела как прямоугольное в плане здание, которое, судя по значительной толщине стен, могло иметь второй этаж. Оно было сложено в технике двухпанцирной кладки, из подтесанного камня на земляном растворе. Кроме того, в кладе фундамента, сделанного несколько шире стен, встречаются сполы в виде плинфы с прослойками цемянки, которые поначалу были приняты за следы *opus mixtum*.

В 2006 г. удалось получить информацию об источнике таких сполей. В результате совместного исследования Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина и Лаборатории имени Резерфорда и Эплтона (Оксфорд, Великобритания) была установлена идентичность строительных растворов бани VII в., находящейся к западу от открытого здания, и образцов раствора, обнаруженного в заполнении слоя помещений. Разрушение этой бани, очевидно, было вызвано необходимостью сооружения нового общественного здания, а строительный материал был частично использован при строительстве нового здания, а частично использован для нивелировки поверхности под это строительство.

Обнаруженное здание было интерпретировано С. Б. Сорочаном как место размещения ранних фемных властей, поскольку находки материала из его фундамента указывают на строительство этого сооружения в 40–50-е гг. IX в., когда в Херсоне, согласно письменным источникам, появился византийский стратиг. Цитадель была наиболее подходящим местом для его резиденции. Раскопки показали, что монументальное сооружение просуществовало сравнительно недолго, до конца IX в., и было разобрано и сnivelировано в связи с постройкой нового большого фемного претория из парных зданий со двором и гарнизонной базиликальной церковью X—XI вв. К слову, исследования этой церкви силами экспедиции в 2004 г. помогли установить, что она имела с южной стороны помещение баптистерия с небольшой известняковой купелью прямоугольной формы и, следовательно, хронологически замыкала ряд раннесредневековых крещален византийского Херсона.

С 2009 г. профессор С. Б. Сорочан по состоянию здоровья вынужден был отказаться от полевой работы и после этого выступал в качестве научного консультанта экспедиции Харьковского университета в «цитадели», которую возглавил ученик профессора, византист, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков А. Н. Домановский, до этого несколько лет принимавший участие в работе экспедиции С. Б. Сорочана.

Экспедиция работала во многом в прежнем составе — полевой работой руководил многоопытный в этом деле М. В. Фомин, камеральной обработкой материалов —

Рис. 7. Участники экспедиции 2009 г. на поздравительной открытке ко Дню археолога

Рис. 8. Эмблема экспедиции

профессор МГУ имени М. В. Ломоносова А. В. Сазанов. Незаменимыми стали ветераны экспедиции — многие годы ездивший в экспедицию С. Б. Сорочана из столицы Литвы Вильнюса Андриус Мишрис, выпускники, аспиранты и соискатели кафедры древнего мира и средних веков ХНУ имени В. Н. Каразина А. В. Латышева, защитившая кандидатскую диссертацию по истории церкви раннесредневекового византийского Херсона, М. В. Пархоменко, с готовностью принявшая на себя многотрудные заботы о повседневном, «внераскопочном» быте экспедиции, особенно близко сдружившийся с А. Мишрисом А. В. Пастушенко, ставший одним из наиболее ответственных ветеранов-полевиков. Появились и новые важные члены экспедиции — доцент Одесского национального университета имени И. И. Мечникова О. М. Луговой, аспирант Киевского национального университета талантливый фотограф Д. В. Лукин. Особенно же ценной стала всемерная поддержка экспедиции со стороны руководства и сотрудников Херсонесского заповедника, из которых отдельного и особого упоминания заслуживают С. Н. Сухина, А. В. Седикова, Н. А. Алексенко.

В 2009 г. экспедиция работала по «разведочному» открытому листу, не позволявшему проводить археологические раскопки. Вследствие этого работы были сосредоточены на комплексной очистке территории «цитадели» от сорной растительности, проведении обмеров строительных остатков раскопанных зданий и попытке составления общего плана-схемы исследованной части памятника. Нужно сказать, что эта работа стала весьма своевременной, ведь, как оказалось, комплексный обобщающий план «цитадели» отсутствовал, а составленные в разное время планы отдельных частей памятника имели значительные расхождения. В архиве были выявлены 25 планов и схем раскопок разных лет (К. К. Косцюшко-Валюжинича, Р. Х. Лепера, К. Е. Гриневича, В. В. Борисовой, И. А. Антоновой, С. Б. Сорочана) и осуществлена попытка согласовать их между собой. С целью уточнения планов были произведены дополнительные обмеры отдельных сооружений «цитадели», их топографическая съемка, что позволило составить общий план-схему раскопанной части памятника.

В следующие 2010–2011 гг. экспедиция продолжила работу, закладывая раскопы-прирезки на неисследованной части «цитадели», которая, на сегодняшний день, составляет приблизительно 1/8 часть площади памятника. Верхние, ближайшие к дневной поверхности слои, к тому же разрушенные многочисленными погребениями карантинного холерного кладбища XIX в., небогаты находками, и тем ценнее они в глазах участников экспедиции: фрагмент (1/4 часть) заставной мраморной плиты с изображением на лицевой стороне части креста, обведенного ломаным зигзагообразным орнаментом, ручка херсонесской амфоры IV—III вв. до н. э. с клеймом астинома Гераклеона, часть мраморной плиты с фрагментом надписи II в. н. э., бронзовая ранневизантийская пряжка и два целых бытовых светильника V—VI вв. н. э. и ряд других.

Интересные находки обновленной экспедиции, несомненно, еще впереди, но главная уже досталась ее участникам в «археологическое наследство» от предшественников. Это высокий авторитет харьковских археологов среди коллег и славные экспедиционные традиции, которые следует сохранить и приумножить в следующее пятидесятилетие.

